

∴ ṁḶ Ḷḡ ḶṁṬṬ ḶṙṁḡḶ ṙṬḡḶṁ ḶḡḡḶḡ ∴

[illegible]

Дж.Р.Р.Толкин.

Мифопозья



To one who said that myths were lies and therefore worthless, even though 'breathed through silver'.

Посвящается полагающему, что
коль скоро в мирах далеко не все правда, то,
стало быть, они не стоят никакого внимания,
даже если это "ложь, пропетая серебряною
трубой".

Philomythus to Misomythus

You look at trees and label them just so,
(for trees are 'trees', and growing is 'to grow');
you walk the earth and tread with solemn pace
one of the many minor globes of Space:
a star's a star, some matter in a ball
compelled to courses mathematical
amid the regimented, cold, Inane,
where destined atoms are each moment slain.

At bidding of a Will, to which we bend
(and must), but only dimly apprehend,
great processes march on, as Time unrolls
from dark beginnings to uncertain goals;
and as on page o'erwritten without clue,
with script and limning packed of various hue,
and endless multitude of forms appear,
some grim, some frail, some beautiful, some queer,
each alien, except as kin from one
remote Origo, gnat, man, stone, and sun.

Филомиф - Мизомифу

Ты к дереву относишься прохладно:
ну дерево, растет себе и ладно!
Ты по земле шагаешь, твердо зная,
что под ногами просто твердь земная,
что звезды суть материи обычной
комки, по траектории циклической
плывущие, как математик мыслил,
который все до атома расчислил.

А между тем, как Богом речено,
Чей промысел постигнуть нам не дано,
как будто без начала и конца,
как свиток, разворачивается
пред нами Время, и не внять в миру нам
таинственным его и странным рунам.
И перед нашим изумленным взглядом
бессчетных форм рои проходят разом, -
прекрасные, ужасные фантомы,
что нам по большей части незнакомы,
в которых узнаем мы иногда
знакомое нам: дерево, звезда,
комар, синица, камень, человек ...

իգն լԵՂԵՊՈՒ : ԽՐԺՈՒՆՅ Ե ԽՄ ԳՐՈՅ

God made the petreous rocks, the arboreal trees,
tellurian earth, and stellar stars, and these
homuncular men, who walk upon the ground
with nerves that tingle touched by light and sound.
The movements of the sea, the wind in boughs,
green grass, the large slow oddity of cows,
thunder and lightning, birds that wheel and cry,
slime crawling up from mud to live and die,
these each are duly registered and print
the brain's contortions with a separate dint.

Задумал Бог и сотворил навеки
каменеобразность скал и звезд астральность,
теллур земли, дерев арбореальность:
и люди из господних вышли рук -
гомункулы, что внемяют свет и звук.
Приливы и отливы, ветер в кронах,
Медлительность коров, сок трав зеленых,
гром, молния и птиц стремление к свету,
и гад ползучих жизнь и смерть, - все это
Всевышнему обязано зачатъем
и Божией отмечено печатью.
При всем при том в мозгу у нас оно
отражено и запечатлено.



Yet trees and not 'trees', until so named and seen -
and never were so named, till those had been
who speech's involuted breath unfurled,
faint echo and dim picture of the world,
but neither record nor a photograph,
being divination, judgement, and a laugh,
response of those that felt astir within
by deep monition movements that were kin
to life and death of trees, of beasts, of stars:
free captives undermining shadowy bars,
digging the foreknown from experience
and panning the vein of spirit out of sense.
Great powers they slowly brought out of themselves,
and looking backward they beheld the elves
that wrought on cunning forges in the mind,
and light and dark on secret looms entwined.

Но дерево не "дерево", покада
никто не увидал его как чудо
и не сумел как "дерево" наречь, -
без тех, кто раскрутил пружину-речь,
которая не эхо и не слепок,
что лик Вселенной повторяет слепо,
но радование миру и сужденье,
и вместе с тем его обожествление,
ответ всех тех, кому достало сил,
кто жизнь и смерть деревьев ощутил,
зверей и птиц, и звезд, - тех, кто в темнице
засовы тьмы подтачивает, тшится
из опыта предвестие добыть,
песок значений моя, чтоб намыть
крупницы Духа, - тех, кто стал в итоге
могучими и сильными, как боги, -
кто, оглянувшись, увидал огни там
эльфийских кузниц, скованных гранитом,
и увидал на тайном ткацком стане
из тьмы и света сотканые ткани.

He sees no stars who does not see them first
of living silver made that sudden burst
to flame like flowers beneath the ancient song,
whose very echo after-music long
has since pursued. There is no firmament,
only a void, unless a jewelled tent
myth-woven and elf-patterned; and no earth,
unless the mother's womb whence all have birth.

Тот звезд не видит, кто не видит в них
живого серебра, что в некий миг,
цветам подобно, вспыхнуло в музыке,
чье эхо на вселенском древнем лике
поднесь не смолкло. Не было б небес -
лишь вакуум! - когда б мы жили без
того шатра, куда вперьям взоры
на шитые эльфийские узоры:
негоже землю нам воспринимать
иначе, чем благу Первомать.

ՆԻՇԵՂ ԻՄ ԼԵՂԵՊՈՒ Ի ՆՈՒՇ ԽԵՂԵՊՈՒ ԻՐ ՐԺԱԼԻՍ

Copyright © 1992, by Eli Bar-Yahalom
Copyright © 1996, 1997 by Thorin Eikiskjaldi (translation, inscription)
Originally published in the Vinyar Tengwar #26 (November 1992)

Эли Бар Йахалом
Когда мое солнце погаснет...

*Это стихотворение написано на Квэнийском языке нашим другом
и коллегой из Хайфы - Эли Бар Йахаломом. Эта песня - ответ
Маглора на песню Фириэли, опубликованную в "Истории Средиземья".
Текст публикуется с разрешения автора. Английский текст
стихотворения переведен на русский членом Толкиновского Общества
СРБ Морином Эйкинскьялди и им же сделана попытка записать
Квэнийский текст с использованием Тенгвар Феонора.*

Írë queluva Anarinya
Queliënen ú-návan minya
Imbë menquë yëni enyáre
Carináva noirë vinya
Írë queluva Anarinya.

Когда мое Солнце погаснет,
В этом [угасании] я не буду первым:
Спустя тысячи веков, в конце их
Новая могила будет сделана
Когда мое Солнце увянет.

Írë tuluvan Mandos minna
Náva lómëa lúmë sina
E ta lumba farnessë, yallo
Ente fairi meruvur linna
Írë tuluvan Mandos minna.

Когда я войду в Мандос,
То будет мрачный час
Даже для тех темных залов, из коих
Даже сами духи мертвых [и те] возжадут уйти,
Когда я войду в Мандос.

Írë Námo faukáva 'n anto
Yasse vanuvan vinyacanta
Nu talúnya caitávar nandë
Linyar vanimë, tauri landë
Helma vayuva lauca vilya...
Tárë enkenuvanyel, milya.
Tárë nanuvan Valinóre,
An enkapuvan minna morë;
Omentáva ni nwalca hwinya -
Ar enqueluva Anarinya,

Когда Намо откроет свои уста,
В которые выйду я, в новом теле(форме),
Под моими [двумя] ногами будет лежать долина.
Прекрасные озера, широкие леса,
Теплый воздух обнимет мою кожу...
В тот миг я снова увижу тебя, о любовь.
В тот миг я повернусь спиной к Валинору
И снова прыгну во тьму.
Жестокий ураган встретит меня -
И мое Солнце снова погаснет.

Írë queluva Anarinya...

Когда мое Солнце погаснет...

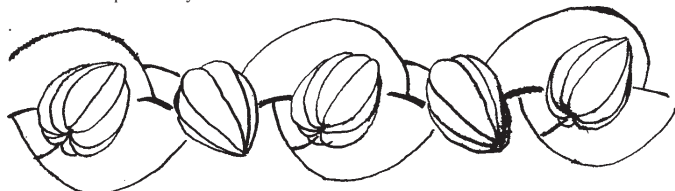
ʌq̣ɕm q̣õṛṇm i ɕj̣ɹ̣ ṭõɕṛṃṇ ::::

Blessed are the men of Noath's race that build their little arks, though frail and poorly filled, and steer through winds contrary towards a wraith, a rumour of a harbour guessed by faith.

Blessed are the legend-makers with their rhyme of things nor found within record time. It is not they that have forgot the Night, or bid us flee to organised delight, in lotus-isles os economic bliss forswearing souls to gain a Circe-kiss (and counterfeit at that, machine-produced, bogus seduction of the twice-seduced).

Such isles they saw afar, and ones more fair, and those that hear them yet may yet beware. They have seen Death and ultimate defeat, and yet they would not in despair retreat, but oft to victory have turned the lyre and kindled hearts with legendary fire, illuminating Now and dark Hath-been with light of suns as yet by no man seen.

I would that I might with the minstrels sing and stir the unseen with a throbbing string. I would be with the mariners of the deep that cut their slender planks on mountains steep and voyage upon a vague and wandering quest, for some have passed beyond the fabled West.



would with the beleaguered fools be told, that keep an inner fastness where their gold, impure and scanty, yet they loyally bring to mint in image blurred of distant king, or in fantastic banners weave the sheen heraldic emblems of a lord unseen

Блажен, кто свой ковчег, пусть даже хрупкий, построил и в убогой сей скорлупке отправился в неведомый туман до гавани безвестной в океан.

Блажен, кто песню или миф творит и в них о небывалом говорит, кто вовсе не забыл о страхах Ночи, но ложью не замазывает очи, достатка не сулит и панацеи на островах волшебницы Цирцеи (не то же ль рай машинный обещать, что дважды совращенных совращать?).

Пусть впереди беда и смерть маячат, - они в глумом отчаянии не плачут, не клонят головы перед судьбой, но поднимают песнею на бой, в день нынешний и скраденный веками вселяя днесь неведомое пламя.

Хочу и я, как древле менестрель, петь то, чего не видели досель. Хочу и я, гонимый в море мифом, под парусом уйти к далекому рифам, в безвестный путь, к неведомой земле, что скрыта за туманами во мгле.

Хочу и я прожить как тот чужак, что золота имея на пятак (пусть не отмыто золото от скверны и прежние пути его неверны!), запрыгивать его в кулак не станет, но профиль короля на нем чеканит и на знаменах вышивает лики и гордый герб незримого владыки.

q̣j̣ɕ ḅbj̣ɹ̣ɕ ɕ ṃṃ ɕ ṃʌ ṃj̣ṃ ʌ̣ị ị

сохранялся в течение некоторого времени преимущественно Нуменорский или Книжный Квэнийский. Но нигде не говорится, что Средиземье покинули все Сумеречные Эльфы. Их языки должны были сохраняться еще довольно долгое время. Если верить некоторым источникам (к примеру, некоторым статьям Леонида Кораблева, исследователя из США), Эльфы вполне могли сохраниться до наших или почти до наших дней (а уходя в сторону от строгой научности, сохранились, конечно, да еще и очень неплохо) и при этом должны были пользоваться каким-то языком. Некоторые формы существующих (в основном, индоевропейских) языков весьма и весьма напоминают отдельные Квэнийские (и не только) формы. Но это уже тема для отдельной публикации.

По поводу путаницы с названиями. Первоначально (в ранних работах) Толкин называл Noldorin'ом язык, по форме очень близкий к появившемуся в его трудах в более позднее время Синдарину. В пост-LoTR-овский период Нолдоринином стал называться Нолдорский диалект Квэнийского, в противоположность Ванйарскому. Возможно, произошла просто путаница названий и Толкин сначала принял Синдарин за язык Нолдор.

На деле же история должна бы была, по нашему мнению, выглядеть следующим образом:

1. Сначала - некоторые предпосылки. Большинство ученых, занимающихся историей толкиновских языков, в частности эльфийских, мало значения придают такому важному фактору, как бессмертие Эльфов. Вместе с тем, сменяемость поколений, а значит краткость языковой памяти, - один из существеннейших факторов, ускоряющих изменчивость языков человеческих. Вторым важнейшим фактором, вызывающим изменения в языке, являются внешние влияния, а третьим - изменение реалий, описываемых языком. Из них на Эльфов в действительности действовали лишь последние два. Отсутствие же первого должно было оказать существенное воздействие.

Среди Нолдор Средиземья (уже после изгнания) все же было немало тех, кто пробудился на Куивiénэн. А это значит, что, так или иначе, они помнили формы и разновидности языка, использовавшиеся ими в до-аманский период. Именно этим, в частности, была вызвана та легкость, с которой Нолдор осваивали язык Синдаров, в то время как те, напротив, усваивали Квэнийский с трудом. Это объясняется тем, что Нолдор язык Синдаров был попросту знаком, как упрощенная и слегка видоизмененная форма протоэльфийского, на котором когда-то говорили и те и другие. Более того, Синдар, столь же бессмертные, легко могли, припомнив прежние формы языка, сделать его еще более понятным для Нолдор. В то же время изменения, произошедшие в Квэнии Нолдор в Валиноре были Синдарам совершенно чужды, они с такими никогда не сталкивались. Естественно, как общий язык начал использоваться некий промежуточный, возможно даже несколько архаизированный, язык, уж конечно, более напоминающий Синдарин, чем Квэния. Естественно, при этом он оказывал некоторое влияние и на "родной" язык Нолдор - квэнийский. Весьма вероятно, что именно с этим влиянием связан ряд изменений, произошедших в Квэнийском вскоре после Изгнания Нолдор - к примеру исчезновение винительного падежа существительных (язык Синдар того времени вообще утратил первоначальную эльфийскую систему падежей). Нолдор оказались как бы двуязычными, причем в течение некоторого времени (до того, как Квэния стала более "письменным" и "церемониальным" языком) их два языка сильно влияли друг на друга. Такое иногда бывает и с людьми. Так, если человек из одной страны в раннем детстве приезжает в другую, то он часто в течение некоторого времени путает языки старой



íṭṛí : íin ḂṭḂṛṭ : ṭṭṭ lṭṭṭ : ṭṭṭṭ

Торин Эйкинскъялди

Поправки и дополнения

к общему обзору развития языков народов Арды.

В связи с тем, что с момента написания этой части статьи у автора появились некоторые новые данные (в частности, это замечательные обзоры языков Арды, сделанные норвежским ученым Helge K. Fauskanger'ом. Часть его работ, например обзор Квэнийского языка, уже переведена на русский и у автора будет испрошено разрешение опубликовать эти переводы. Также весьма ценным приобретением оказались более новая версия Квэнийской грамматики A. Appleyard'a и обзор 12-го тома "Истории Средиземья" в последнем выпуске американского журнала Vinyar Tengwar. К сожалению, из-за отсутствия в нашем распоряжении самого этого тома, мы не можем учесть все содержащиеся в нем сведения), а также переосмыслены некоторые, уже имевшиеся. Были замечены и, как обычно незаметно, вкравшиеся опечатки.

Единство протоэльфийского языка подтверждается еще и тем, что по указанию LT2, Эльфы имели врожденный дар речи, напрямую от Илуватара, причем активный (не нуждающийся в обучении), а не пассивный, как у Людей.

По-видимому, Даниан и Нандорин - это все-таки одно и то же. Danas - одно из самоназваний Нандор'ов. У Толкина этими двумя именами назван либо один и тот же язык, либо очень близкие друг к другу стадии его развития. Во втором случае, следует все-таки сохранять различие между терминами, чтобы различать сведения, относящиеся к разным периодам языковой истории.

Тэлэрин и Линдарин(правильно Lindbrin), кажется, также одно и то же. Это, очевидно, диалект Квэнийского, хотя он и рассматривается обычно как отдельный язык, видимо, ввиду меньшей "общительности" Тэлери (которые реже Нолдор и уж, тем более, Ванйар оказывались в центре Амана) оказавшийся более близким к прежнему Эльфийскому языку, а значит и к языку Эльфов Белерианда. Весьма вероятно, даже, что язык Тэлери Белерианда и Тэлери Амана не столь уж сильно различались.

Разницу между Квэнийским Первой и Третьей эпох я, каюсь, конечно же преувеличил. Однако следует иметь в виду как минимум некоторые отличия в грамматической и лексической структуре языка. Вообще же Толкин указывает, что Книжный Квэнийский, который был в ходу у Гондорских хранителей Предания и у Дунэдаин, был в свое время заимствован у Эльфов Запада, а значит, более соответствует Валинорскому Квэнийскому. Так, в нем есть отдельная форма для ввинительного падежа. Квэния же, которой пользовались Нолдор Средиземья, так называемая "разговорная" Квэния, несколько отличалась от Валинорской разновидности, хотя, противореча своему названию, быстро стала у Нолдор письменной речью. А став языком Традиции, естественно, законсервировалась и мало менялась (это свойственно любому языку, которым овладевают по письменным памятникам, а, как указывает Толкин в 12 т. "Истории Средиземья", именно так дела обстояли с Квэнийским у Нолдор).

Правильная форма названия языка эльфов рабов - Mylanoldorin, а не Moolanoldorin. Голдогрин (Голдоорин), видимо, все-таки разновидность Квэнийского, если не иное его название. Goldor - наименование Нолдор у Зеленых Эльфов (Нандор'ов).

Талиска был языком преимущественно Дома Беора.

Несколько замечаний по поводу языковой истории Четвертой Эпохи. Все или большая часть Нолдор, видимо, покинули Средиземье. Таким образом в Эндоре, видимо,

ṭṭṭ ṭṭṭṭṭ Ḃṭṭṭ ṭṭṭṭ : ṭṭṭṭṭ

I will not walk with your progressive apes,
erect and sapient. Before them gapes
the dark abyss to which their progress tends -
if by God's mercy progress ever ends,
and does not ceaselessly revolve the same
unfruitful course with changing of a name.
I will not treat your dusty path and flat,
denoting this and that by this and that,
your world immutable wherein no part
the little maker has with maker's art.
I bow not yet before the Iron Crown,
nor cast my own small goldensceptre down.

А ваш прогресс не нужен мне вовеки,
о вы, прямоходящи человеки!
Увольте, я в колонне не хожу
с гориллами прогресса! Весь итог
их шествия победного, ей-ей,
зиянье бездн, коль в милости Своей
Господь предел и срок ему положит.
А нет, - одно и то же он итожит,
переменяя разве что названия,
верша по кругу вечное топтанье.
Я к миру не имею пиетета,
где то всегда есть "то", а это - "это",
где догма от начала до конца
и места нет для Малого творца.
И пред Железною Короной зла
я золотого не слою жезла!



In Paradise perchance the eye may stray
from gazing upon everlasting Day
to see the day-illuminated, and renew
from mirrored truth the likeness of the True.
Then looking on the Blessed Land 'twill see
that all is as it is, and yet may free:
Salvation changes not, nor yer destroys,
garden not gardener, children nor their toys.
Evil it will not see, for evil lies
not in God's picture but in crooked eyes,
not in the source but in the tuneless voice.
In Paradise they look no more awry;
and though they make anew, they make no lie.
Be sure they still will make, not been dead,
and poets shall have flames upon their head,
and harps whereon their faultless fingers fall:
there each shall choose for ever from the All.

Наш взгляд в Саду Эдемском, может стать ся,
от созерцанья Света оторваться
захочет и невольно упадет
на то, что видеть этот Свет дает,
и в отраженьи Истины ясной
мы Истину пойдем и вместе с Нею
увидим мы свободное творенье,
в конце концов обретшее Спасенье,
которое ни нам, ни Саду зло
с собой в благое кушчи не внесло.
Мы зла не узрим, ибо зла истоки
не в Божьей мысли, но в недобром оке.
Зло в выборе недобром и стремленьи,
не в нотах зло, но в безголосом пеньи!
Поскольку жить по кривде невозможно
в Раю, - там сотворенное не ложно,
и не мертвы творящие, но живы,
и арфы золотые не фальшивы
в руках у них, и над челом, легки,
пылают огненные языки, -
они творят, как Дух велит Святой,
и выбор свой вершат пред Полнотой.

перевод Сергея Степанова

ПАЛАНТИР № 4

7

22

ПАЛАНТИР № 4

Ինքնօրէն զիյն : ի Եւրոպայ : չափ Երանայից :

Р. Кабаков

Творчество Дж. Р. Р. Толкина как литературоведческая проблема

(окончание. Начало см. в № 2-3)



ам текст создавался с иной целью, и если автор и заложил их в него при создании, то ради того, чтобы ненавязчиво оттенить. Вычленив из текстового массива какую-либо деталь, сторонник аллегорической трактовки книги соотносит ее с внелитературной реальностью и обнаруживает сходство. Казалось бы, удача! Однако рассмотрение той же самой детали - например, Кольца Власти - в целостной системе художественного мира Толкина, как правило, разрушает гипотезу и обнажает ее поверхностность. Кольцо Саурона бесконечно далеко от ядерной бомбы...

Мир Толкина един и взаимосвязан в гораздо большей степени, чем это свойственно типичным философско-аллегорическим произведениям (допустим, "Острову пингвинов" А. Франса).

"Аллегорический образ, - пишет А.Ф.Посев, - указывает на какую-нибудь абстрактную идею, от которой он не только резко отличается, но с которой даже не имеет ничего общего, причем этот аллегорический образ может быть заменен каким угодно другим, потому что он - только иллюстрация какой-нибудь общей и абстрактной идеи. Совершенно другое происходит в мифе"³¹.

Образы Толкина невозможно считать простыми иллюстрациями идей: с этим, по-видимому, согласятся даже сторонники концепции "аллегоризма". Том Бомбадил не реализует никакой абстракции, он - живая часть живой природы, существующей вечно. Возвращаясь к определению аллегории, данному Н.Фраем, можно утверждать, что ни в одном эпизоде "Властелина колец" Толкин не стремится сказать: "Под **этим** я также подразумеваю **вот это**".

Высказывание известного писателя, друга Толкина, К.С.Льюиса, может подвести итог обсуждению данной проблемы: "Перед нами миф, а не аллегория - в книге отсутствуют специальные намеки на теологические, политические, психологические подтексты. Миф

³⁰ Кошелев С.Л. К вопросу о жанровых модификациях в философской фантастике.// Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе.- М.:Изд.МГПИ, 1984.- С.136. Статьи и диссертационная работа С. Л. Кошелева ("Философская фантастика в современной английской литературе") содержат множество интересных наблюдений и выводов. Это первая попытка изучения творчества Толкина в нашей стране. Однако общая концепция "Властелина колец" как разновидности философско-фантастического романа вызывает возражения. См.:Кабаков Р.И. "Повелитель колец" Дж.Р.Р. Толкина: Эпос или роман? -Деп.в ИНИОН АН СССР 60389 №37042

³¹ Посев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.- М.Искусство, 1976.-С.167.

³² Lewis C.S. Tolkien's 'The Lord of the Rings'.//Lewis C.S. On Stories and Other Essays on Literature.- NY&L: Harcourt Press, 1982.-P.85.

Արշալոյն Արշա : ինքնօրէն : չափ Երանայից :

престижных книжных магазинов Оксфорда - Блэкуэлле. Прием нам запомнился как праздник: представьте себе - еще нет делового напряжения, еще свежо удивление - как, все эти прекрасные люди здесь - ради Толкина? (А с другой стороны, разве могло быть иначе? Ведь именно сейчас - золотой век для исследователей Толкина: живы еще дети Толкина и его друзья, и не весь еще архив писателя опубликован - так что у любого исследователя есть шанс, во-первых, прикоснуться к жизни писателя, к его "ауре", а, с

другой стороны, открыть что-то новое и сказать никем еще не сказанные слова). Конференция, как магнит, собрала людей из множества стран мира - и по лицам этих людей многое можно было сказать о том, кому она была посвящена: о Толкине. Здесь мы познакомились с дружной польской делегацией (поляки жили в кемпинге неподалеку от Оксфорда, и доклады их на конференции были одними из самых интересных), с американской художницей русского происхождения (между прочим, мы насчитали довольно много толкинистов русского происхождения, среди которых оказался даже один японец) Бонни Каллахэн, представительницей того самого поколения американцев шестидесятых годов, которое впервые открыло Толкина (дочь Бонни носит имя Арвен), с госпожой Натальей Котовской, редактором и издателем бельгийского журнала толкинистов "Белегаэр", много помогавшей нам в течение всей конференции и поддерживавшей нас душевно и духовно - особенно долгими беседами на "Скамье Свиданий", когда можно было наконец поговорить о Толкине по-русски, но с человеком по-западному осведомленным. И самое главное, - именно на приеме в Блэкуэлле мы были представлены семье Толкина. Сына Толкина Кристофера, который занимается обработкой и публикацией наследия отца, на приеме не было (что вполне понятно - толкинисты разобрали бы его на сувениры в несколько минут), Майкл - католический священник - на конференцию приехать не смог, Джон скончался за несколько лет до этого, зато мы смогли познакомиться с дочерью Толкина Присциллой и другими членами семьи. Свет, который исходит от этих людей, теплота, с которой они нас приветствовали, заставили нас почувствовать себя хоббитами, которые, блуждая в ночном лесу, набрали на странствующих под звездами Высших Эльфов. Здесь же, на приеме, у нас впервые возникло впечатление, которое продержалось до конца конференции: если число собранных в одном месте толкинистов перевалит за критическую отметку, мир изменится, и изменится необратимо. Но это должны быть "настоящие" толкинисты, ищущие понять, какую весть принес в мир Толкин, а не подменяющие его слово своей идеологией, с какими бы целями это не делалось...

А теперь о буднях конференции. Чтобы дать новичку в мире "толкинизма" представление об истинной сути и смысле Конференции, необходимо познакомить его с историей толкиновских обществ во всем мире, - а это задача столь грандиозная, что в одной статье ее, конечно не разрешить, хотя со временем мы надеемся это сделать, а пока ограничимся рассказом ТОЛЬКО о конференции - мы и так делаем это по остывшим следам.

М.Каменкович
В.Каррик

(продолжение следует)

ó mġā ūġwí þ w̃m r̥yū b̃m q̥yī :

ухаживала за Толкином, когда тот лежал в больнице с больной ногой ("Он был такой милый, да, очень милый человек!"), а "Властелина Колец" читала в гранках, которые приносил ей домой кто-то из родственников, работавших в лондонском издательстве! В это удивительное совпадение с трудом поверили даже англичане-толкинисты.

Второе чудо видели мы на пути в Оксфорд, из окна автобуса. Серое дождливое небо на миг посветлело, и на светлом фоне появился совершенный по форме парусный корабль с выгнутым носом, плывущим в ту же сторону, куда ехали и мы. Долго пыл он так по левую руку, не двигаясь и не отставая, пока не скрылся внезапно за пеленой дождя.

Благодаря аккуратно высыпавшимся в течение всего года участникам конференции информационным брошюрам, полным всяческой информации, от сведений об оксфордских пиццериях до биографий наиболее выдающихся лекторов, ожидающихся на конференции, все участники в точности знали, куда и как им надлежит явиться. В регистрационном офисе каждый получил объемистую папку с расписанием мероприятий и... одним словом, здесь, на зеленых газонах Кибл Колледжа, спускающихся к прямоугольнику центральной площадки, стало окончательно ясно, что это не сборище "фанов" и не развлекательная прогулка: это серьезный труд, для полноценного участия в котором потребуются все имеющиеся у нас в наличии силы физические и интеллектуальные (при том, что сами мы докладов не делали, заслужив право на участие в конференции только статьями в английском журнале "Маллорн", своей работой над новым переводом "Властелина Колец" и комментариями к нему, который и которые на тот момент были еще в большой степени шкурой неубитого медведя. Однако без конференции комментариев написать, конечно, мы не смогли бы...). Так вот, лекции начинались ежедневно в 9.00 и с небольшим перерывом на обед распространялись на целый день, часов до четырех; в оставшуюся часть дня организаторы попытались вместить торжественные приемы, Главный Банкет, видеофильмы, спектакли, менее формальные встречи (например, конкурс на лучшее знание героев Толкина), юбилейные собрания и т.д. Дискуссионные семинары начинались в 23.00 и длились до глубокой ночи. Среди мероприятий была и такая экзотическая затея, предпринятая по инициативе американцев: в один из дней желающие собрались в пять часов утра на покрытых густым туманом полях Университетского парка в Оксфорде (прямо напротив Кибл Колледжа), и глава американского Общества исследователей творчества Толкина, К.С.Льюиса и Ч.Вильямса Глен Гуднайт (Good Knight переводится как "Добрый Рыцарь") прочел собранию главу "Тот, Кто играет на флейте у порога утра" из знаменитой книги Кеннета Грэма "Ветер в ивах", одной из любимых книг Толкина, повлиявшей в чем-то и на его творчество (чтобы до конца понять смысл этого поступка, надо знать книгу).

Надо сказать, что не все 360 участников выдержали этот девятидневный марафон, и к концу этих славных дней все чаще можно было видеть знакомые лица у скамьи возле входа, во дворе Кибл Колледжа, прозванной нами "скамьей свиданий", - и нельзя сказать, чтобы разговоры здесь были менее важны, чем пропущенные лекции, но...

В первый день регистрации мы, прицепив значки в виде змея Ермунганда (опоясывающего, согласно скандинавской мифологии, населенную людьми землю - Мидгард, или Средиземье), отправились на поиски Серебряного и Золотого Деревьев, которые были посажены в Оксфордском университетском парке незадолго до столетия Толкина (соответственно ser. saccarīnum и robinia pseudoacacia).

Постыдно заблудившись в огромном английском парке (который представляет из себя необозримый газон с редкими кучами деревьев), мы с помощью радушных газонокосильщиков с трудом отыскали два скромных саженца (чуть ли не каждое дерево в этом саду посвящено какому-нибудь знаменитому оксфордеццу!) и с трудом успели на торжественный прием в честь участников конференции, состоявшийся в одном из

ó mġā ūġwí þ w̃m r̥yū b̃m q̥yī :

говорит с каждым читателем, с любым внутренним миром. Это могущественный ключ (It is a master key): открывайте им любую дверь, какую пожелаете"³².

Гораздо более сложен вопрос о **символичности** художественного мира Толкина. С.С.Аверинцев пишет: "...Категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного"³³. Следовательно, произведение, насыщенное символикой, несет в себе особые, избыточные смыслы, несводимые к буквально изложенным в нем событиям. По сути, мы вновь (хотя и на более высоком уровне) приходим к проблеме подтекста во "Властелине Колец". Толкин, напомним, утверждал, что никакого подтекста в произведении не существует, а возможные аналогии - следствие умственной работы и фантазии читателя. Вместе с тем литературоведы неоднократно отмечали внутреннюю значимость, символику многих образов и деталей книги: так, рассвет и звезда связан, как правило, с возрождением надежды; появление орлов символизирует чудесное спасение героев (две сцены в "Хоббите" и две - во "Властелине Колец"); противостояние добра и зла, света и мрака, со средневековой прямой проходящее по страницам толкиновского эпоса, говорит само за себя³⁴.

Миру Толкина, безусловно, свойственна символика. При этом, она настолько естественна, что воспринимается в духе традиционных общечеловеческих представлений. А писатель стремится к созданию образов, нерасчленимо слитых в единстве воображаемого мира. Поэтому любую трактовку отдельной детали, отдельной фигуры вне связи с этим миром, и, напротив, в связи с реальностью, он расценивает как домысел читателя. Он не отрицает возможности такого прочтения, однако защищает свое право на свободу от него. Возникает аналогия с символическим фольклорным мифом: "Мифологическое миропонимание предполагает нерасчленимое тождество символической формы и ее смысла, исключаящее всякую (! - Р.К.) рефлексию над символом"³⁵.

Мысль о том, что произведение Толкина связано с традицией героического эпоса и мифа, высказывалась неоднократно, начиная с первых статей о "Властелине Колец". Толкин сделал сегодня практически невозможное, - писал Д.Хьюэс, - он создал эпос, почти столь же величественный как "Беовульф", подробный как древняя хроника и старомодный в оценках как исландская сага или сэр Вальтер Скотт"³⁶. Еще более решительно сближает книгу Толкина с мифом Р.Рейли: "Властелин Колец" - это, конечно же, не реалистический роман, не символический роман (symbol novel), возможно, не роман вообще, с точки зрения привычного понимания термина. Кажется, это ближе всего к "мифу", но не в его обиходном значении как искажение того, что некогда было фактом или претендовало им быть. Это совсем не проблема факта. Это чистой воды вымысел, и тут-то и проходит острое бритвы, по которому должен идти и дружественный, и враждебный критик. Трилогия ставит вопрос о ценности вымысла в нашу эпоху"³⁷.

Многие исследователи склонны ставить акцент не на индивидуальной фантазии Толкина, а на продолженной им традиции древней, особенно северной, мифологии. Ч.Мурман пишет: "Властелин Колец" - по существу, северный миф, и его отличительные особенности становятся явными, когда к нему подходят именно как к мифу, а не как к роману или книге для детей, или fantasy. В некотором роде он составляет свой собственный жанр, почти как "Моби Дик", он изумляет своей широтой и впечатляет своим единством"³⁸.

Наиболее широко связи Толкина с древней мифологией и эпосом раскрыты в работе

³³ См.: Аверинцев С.С. Символ. // Литературный энциклопедический словарь. - С.378.

³⁴ См. напр.: Spacks P.M. Power and Meaning in 'The Lord of the Rings'. // Tolkien & the critics. - P.84-90; 95-96 etc.

³⁵ Аверинцев С.С. Символ. // Там же. - С.378.

³⁶ Hughes D. Pictis & Giant Forms in 'The Lord of the Rings'. // Shadow of imagination. - P.91

³⁷ Reilly R. Tolkien & the Fairy-Story. // Tolkien & the critics. - P.132-133.

³⁸ Moorman Ch. The Shire, Mordor & Minas-Tirith. // Tolkien & the critics. - P.201.

Р. Ноэль "Мифология Средиземья"³⁹. В сущности, это не столько монография, сколько комментарий к произведениям писателя, о чем свидетельствует сама структура книги, ее разделы: темы, места (places), существа, вещи. Р.Ноэль находит множество аналогий, заимствований, влияний таких памятников как Библия, "Эдды", "Беовульф", "Смерть Артура", тевтонские предания и проч. Вместе с тем исследователь отмечает, что произведение Толкина невозможно полностью (и даже большей частью) свести к древним аналогам. Во "Властелине колец", считает Р.Ноэль, "найден и сохранен нужный баланс между традицией мифа и индивидуальным изображением"⁴⁰.

Согласно другой версии, "Властелин колец" является сознательной "имитацией" мифа (М.Эдельсон)⁴¹. Думается однако, что этот термин не совсем точно передает сущность сделанного Толкином. Имитация подразумевает целенаправленное уподобление неким образцам, однако многочисленные работы показывают, что в целом творение Толкина вполне самостоятельно (см., напр., выводы Р.Ноэля).

"Мир демифологизирован, - пишет К.Килби, - пришел Толкин, ремифологизатор"⁴².

Суждения такого рода присутствуют во многих статьях и монографиях, однако вопрос о соотношении традиционных и новых черт в литературной мифологии Толкина еще далек от полного разрешения. Книга Ноэль сделала первый шаг в этом направлении.

Новые возможности для изучения творчества Дж.Р.Р.Толкина открылись в связи с рядом публикаций, осуществленных на рубеже 70-80-х годов его биографом, Х.Карпентером, и сыном писателя, Кристофером. До этого периода Толкин считался автором двух произведений: детской сказки "Хоббит" и трехтомной эпопеи "Властелин колец". Эволюция его творчества виделась как от юношеских проб пера к первой удаче - книге для детей (1936), формированию собственной эстетической программы - в статьях "Беовульф: монстры и критики" (1937) и "О волшебных историях" (1939), и затем - к вершине, "Властелину колец" (1954-55). Заканчивая исследование, литературоведы обычно рассматривали небольшие сказки и притчи писателя ("Лист кисти Ниглэ", "Фермер Джайлс", "Кузнец Большого Вуттона" и др.). По этой схеме строятся книги П.Кочера, Р.Хелмса, Дж.Ч.Нинше, австралийский сборник под редакцией Дж.Риана и ряд других работ.

В какой-то мере эта схема была поколеблена документальной биографией Х.Карпентера (1977)⁴³. Приведенные в ней высказывания писателя, выдержки из писем, подробная хронология его творчества, неожиданно выдвинули на первый план не "Властелина колец", принесшего Толкину мировую славу, а незавершенный "Силмариллион", книгу о сотворении и первых эпохах мифологического Средиземья. Она создавалась около шестидесяти лет: первые наброски были сделаны в 1916 году, последние дополнения - внесены незадолго до смерти (1973).

В 1977 году часть "Силмариллиона", наиболее законченная, вышла под редакцией К.Толкина. В 1980 году за ней последовали еще две книги - "Поэмы и истории" и "Незавершенные сказания Нуменора и Средиземья", которые можно считать дополнениями

³⁹ Наряду с книгой Ноэль существуют и другие чисто информативные издания о творчестве Толкина. Некоторые из них содержат сведения только о текстах писателя (систематизация героев, рас, существ), другие включают параллели с фольклорными и литературными памятниками.

⁴⁰ Noel R. Mythology of Middle-earth. - P.7.

⁴¹ Edelson M. Op.cit. - P.130.

⁴² Kilby C. Meaning in 'The Lord of the Rings'.//Shadows of Imagination. - P.80.

⁴³ Carpenter H. J.R.R.Tolkien: A Biography.

понятиям, сверхчеловеческой организационной работы, проделанной горсткой членов английского толкиновского общества. Около 360 участников и - в зависимости от внесенной платы - восемь различных видов сервиса. Снятый для конференции огромный Кибл Колледж (небольшой замок с крепостными воротами, но не из камня, а из цветного кирпича), в котором возможно было одновременно проводить по три лекции в разных аудиториях, устроить постоянно действующий магазин, видеозал, музей, несколько выставок, библиотеки. Прекрасно организованная система билетов на различные мероприятия, так что не было случая, чтобы кому-то не хватило места в автобусе или чтобы автобус отправился не вовремя. Концерты, официальные приемы, маскарад, семинары... и НИ РАЗУ за все это время та или иная группа не стояла у закрытых дверей, дожидаясь, пока придет сторож дядя Вася с ключами. В сложнейшее расписание не вкралось ни единой накладки, и приглашенные светила и знаменитости остались всем довольны. Нам приходилось слышать голоса своенравных россиян, предлагавших побить карту английского добропорядочного консерватизма каким-нибудь ультранеоординарным праздником на стоодиннадцатилетие Толкина; но господа! Один нетрезвый сторож (или организатор, хотя и англичане отнюдь не абстиненты) - и тщето рука будет нашаривать в кармане спасительное Кольцо, чтобы не сгореть со стыда... Хотя к тому времени русский менталитет, возможно, существенно изменится - сторожа перестанут пить или, по крайней мере, мы заразимся консерватизмом и не захотим отмечать это самое стоодиннадцатилетие...

Итак, мы попали на конференцию в числе шести россиян - среди них переводчики Н.Григорьева и В.Грушецкий, а также Денис Гордеев (художник) и Евгений Иткин - все четверо принимали участие в издании первой "северо-западной" версии "Властелина Колец", которую и привезли на конференцию. Все русские были приглашены за счет оргкомитета. Никому более такая милость оказана не была; так, толкинисты из Восточной Европы приехали за свой счет и сами платили за свое участие (правда, не без помощи Британского Совета). Для россиян же роль орлов сыграли лондонские толкинисты... Ну, а дальше мы будем говорить только за себя, - ибо впечатления бывают чересчур субъективны.

С первых же дней в Англии нас начали сопровождать ненавязчивые, но качественные чудеса, которые начались с поиска жилья. Права на комнату в Кибл Колледже наши путевки не давали. Думаю, толкинисты помогли бы и в этом, но хотелось хоть в чем-то освободить их от утомительной заботы о несамостоятельных русских. И вот мы созвонились со знакомой журналисткой, работающей в Оксфорде, и попросили помочь с жильем. Наша приятельница села у телефона и набрала номер первого попавшегося католического монастыря. Трубку взяла женщина и, выслушав суть дела, тут же предложила свой дом. Но чудо еще не в этом - это просто норма христианского поведения. Женщина эта, как выяснилось, пришла в монастырь помочь с уборкой (что делала регулярно на добровольной основе) и при ближайшем знакомстве оказалась Барбарой Хастингс, сестрой богослова и бывшего директора Оксфордского книжного магазина Питера Хастингса, который переписывался с Толкином (ответы Хастингсу Толкина опубликованы в сборнике его писем); сама же она

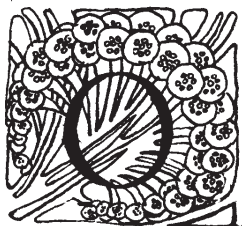


Званные гости

Рассказ об оксфордской конференции, посвященной столетию со дня рождения Дж.Р.Р.Толкина

От редакции.

Статья эта была написана Марией Каменковой и Валерием Карриком - авторами последнего, самого полного перевода "Властелина Колец" - в 1994 году для намечавшегося тогда к выпуску журнала "Толкиновского общества "Эarendil". Журнал - по разным причинам - так и не вышел в свет, а статью авторы, уезжая за рубеж, оставили в распоряжение Толкиновского общества, предупредив, что она еще не вполне доработана. Мы не сочли себя вправе вносить какие-то исправления, лишь немного сократили те моменты, которые показались нам не вполне соответствующими тематике и объему журнала.



тчет о научной конференции на стыке разных дисциплин - литературоведения, мифоведения, языкознания, истории и философии, какой была конференция, посвященная столетию со дня рождения Толкина, вполне мог бы быть сухим и деловитым, как, собственно, ему и положено быть. Однако нам хотелось бы адресовать его тем, кто ЛЮБИТ Толкина (только такие люди и участвовали в конференции), а поэтому было бы жанровой несообразностью писать о них и о самой конференции в "академическом" стиле. Наша цель - создать эффект присутствия для тех, кому это важно и насколько это возможно, а уже потом, если получится, опубликовать часть докладов, прозвучавших на конференции, - и тогда

любители строгого научного изложения останутся, надеемся, довольны. Теперь же мы предлагаем вашему вниманию сам рассказ о Конференции - о крупнейшем внешнем событии в толкинистике за последние годы, которое произошло в августе 1992 года в Мекке толкинистов - Оксфорде.

Конечно, никто из прочитавших хотя бы первую главу "Властелина Колец", не может сомневаться, что кроме столетия, важным юбилеем не в меньшей мере может считаться столетие (которое столь экстравагантно отметил хоббит Бильбо). Вопрос о подготовке этого торжества на конференции стоило бы специально оговорить - по крайней мере неофициально. "Eleventy-first birthday" должен был бы занять важное место в планировании будущих мероприятий. Однако не тут-то было: речь шла только о грядущем двухсотлети, причем некоторые участники собирались-таки его когда-нибудь отметить - пусть в инвалидных колясках. Возможно, дело в том, что европейцы мыслят чересчур традиционно, и юбилей для них - это сто лет и только, а столетинадцатилетие юбилей пусть устраивают себе чудаки вроде Бильбо. Упорный консерватизм европейцев в соблюдении раз навсегда установленных правил подчас раздражает нашего соотечественника.

Однако именно благодаря консерватизму ДОБРА, который включает в себя консерватизм дисциплины, возможна стала Оксфордская конференция, итог, по нашим

к "Силмариллиону". Издание писем Дж.Р.Р.Толкина (1981) ввело в научный оборот большое количество материалов по эволюции его творчества и истории создания отдельных произведений. Наконец, в 1983 году свет увидела "Книга забытых сказаний" в двух томах, завершившая на сегодняшний день публикацию толкинских рукописей. Эти новые издания, содержащие обширную и неизвестную ранее информацию, в значительной степени меняют общую картину творчества писателя.

"Властелин Колец", рассматриваемый в контексте "Силмариллиона", представляется ныне его наиболее развернутой и объемной частью, героическим эпосом, возникшем на мифологическом фундаменте. В известной мере путь писателя повторяет логику развития древнего искусства. "Силмариллион" (а точнее, цепь хроник и легенд, в которую входит история о трех драгоценных камнях, Силмариллах, давшая название целому) содержит ответы на многие вопросы, занимавшие читателей и исследователей в 60-70-х годах. Многие гипотезы, выдвинутые тогда, подтвердились, некоторые - ныне опровергнуты. Безусловно, изданные рукописи не имеют статуса завершенного авторского текста, и все же вне их анализа немисливо современное изучение творчества Толкина.

Таким образом, конец восьмидесятых годов открывает новый этап в исследовании художественного мира писателя. Становится возможным целостное рассмотрение его творчества. Очевидно, что углубленный анализ "Властелина Колец" должен теперь начинаться с изучения "Силмариллиона". Пошатнулась и концепция "аллегоризма": включение толкинских творчества в единую цепь мифов и легенд еще больше осложнило поиски прямых параллелей с современностью⁴⁴. И, вероятно, самое важное: стало совершенно ясно, что мы имеем дело с целой мифологической системой, созданной в середине XX века, то есть с уникальным для литературы нового времени художественным опытом.

"Толкин - современный мифотворец", - пишет П.М.Спэкс. - Во "Властелине Колец", своей эпической трилогии, он фактически создал новый жанр: нечто, содержащее очевидное сходство с народным эпосом и мифологией, но по сути не имеющее литературного аналога⁴⁵. Вероятно, термин "мифотворчество" наиболее точно определяет сделанное Толкином. Выход "Силмариллиона", "Поэм и историй", "Незавершенных сказаний Нуменора и Средиземья", издание толкинских писем - подтверждают эту мысль.

Перед нами не доведенная до конца и все же грандиозная индивидуальная мифология, опирающаяся на традиции северных преданий, рыцарского эпоса, "средневековых" стилизаций У.Морриса и fantasies Дж. Макдональда, Э.Д.Эдисона и Дэвида Линдсея⁴⁶. Однако в основе своей - это вполне оригинальное творение. Осмысление этого художественного феномена возможно лишь с учетом особенностей, присущих мифологии в целом и



⁴⁴ Впрочем, вышедшая в 1985 году книга Р.Гилдинга и Е.Холланд "Берега Средиземья" рассматривает все творчество Толкина как некий грандиозный "шифр", таящий в себе полную историю земной цивилизации. Хоббитания при этом оказывается на территории современной Болгарии. Идея "аллегоризма" доводится здесь до абсурда.

⁴⁵ Spacks P.M. Power & Meaning in 'The Lord of the Rings' // Tolkien & the critics. - P.82.

⁴⁶ Определяя роль и место Толкина в современном литературном процессе, многие исследователи склонны относить его произведения к fantasy, одному из направлений современной фантастической литературы. "Властелин Колец", несомненно, оказал сильное влияние на развитие данного направления (на творчество Р. Зилазни, Ф. Херберта, У. Ле Гуни). Однако само произведение Толкина не вмещается, как нам кажется, в рамки fantasy. Правильнее рассматривать его в более широком контексте литературного мифотворчества XX в.

мифологизму современной литературы в частности.

Не следует считать, что такое прочтение "Властелина колец" означает полный отрыв творчества Толкина от реальностей нашего века. Ни один значительный писатель не может творить вне проблематики своей эпохи, и Толкин не является исключением. Связи с действительностью в его книгах ни коим образом не утрачены, необходимо лишь осознать особый характер этих связей. Писатель не приемлет сугубо технического прогресса, уничтожающего природу (а с нею - и весь мир); Толкин стремится к восстановлению неких изначальных морально-этических ценностей, утраченных - на его взгляд - современным человеком и литературой новейшего времени.

"Ценность мифа состоит в том, - пишет К.С.Льюис, - что он берет все те вещи, которые нам известны, и возвращает им их богатейший смысл, скрытый за налетом повседневности. Помещаая хлеб, золото, коня, яблоко в миф, мы не удаляем их от реальности, а заново открываем их"⁴⁷.

Анализ любой мифологической системы, фольклорной или литературной, предполагает некоторое погружение в нее: необходимо, по выражению А. Ф. Лосева, смотреть на миф "глазами самого мифа, мифологическими глазами"⁴⁸. Мир, созданный Толкином, особенно располагает к полному "растворению" в нем (не только читателя, но даже и исследователя)⁴⁹. Для того, чтобы остаться в созданном автором Втором Мире, считает Толкин, необходима не негативная обстановка недоверия⁵⁰, а позитивная форма "Второй Веры", являющейся продуктом авторского искусства. В тот момент, когда недоверие возрастает - очарование гибнет, волшебство и само искусство исчезают. Вы снова находитесь в Первом Мире, и вы видите мертвый Второй Мир снаружи⁵¹. Для исследования мифологического эпоса Толкина особенно характерна и опасна вечная раздвоенность между "тонким ядом анализа" (С. Выготский) и растворением в стихии текста.

Итак, подведем итоги. Мы видим, что: большинство западных ученых считают книги Толкина новым, не имеющим близких литературных аналогов, и довольно значительным явлением современной культуры; некоторые исследователи изучают "Властелина колец" в контексте философско-аллегорической прозы XX века: этот путь анализа мы (вслед за Толкином) полагаем ошибочным; вопрос о символичности книги Толкина не имеет пока однозначного решения: эта проблема требует дальнейшего изучения;

во многих работах содержатся высказывания о близости произведений писателя мифам и легендам древности; признавая правомерность таких наблюдений, следует сказать, что автор стремился не к имитации древних памятников, а скорее к созданию собственной мифологической системы, имеющей выходы как к проблемам современного мира, так и к литературе и преданиям прошлого;

систематического изучения произведений Толкина как разновидности литературного мифотворчества двадцатого века, в широком контексте современной литературы пока не проводилось; этот вопрос остается пока в большой степени открытым.

⁴⁷ Lewis C. S. Tolkien's 'The Lord of the Rings'.// Ibid.P.90.

⁴⁸ Цит. по ст.: Кравец С. А. Ф. Лосев: Диалектика. Феноменология. Миф.// Литературная учебн.- 1988. -N1.- С.152. Разумеется, такое погружение присуще, в той или иной мере, анализу любого объекта, однако для мифолога оно имеет особую привлекательность (и опасность).- См., напр.: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа (критические замечания по адресу К. Левин-Стросса).

⁴⁹ Нам представляется, что этой опасности не избежал, в частности, П.Кочер в интересной книге "Властелин Средиземелья".

⁵⁰ Толкин полемизирует здесь с мнением Кольриджа о "сознательной приостановке неверия,...которое утверждает поэтическую веру" (Biographia Literaria, Chapter XIV).

⁵¹ Цит. по кн.: Helms R. Tolkien's World.- Boston: Houghton - Mifflon, 1974. - P.77-78

с миру по нитке



Клуб ролевых игр и приключенческого туризма

"Сильмарилл"

(г. Мурманск)

Сегодня мы расскажем вам про сообщество толкинистов города Мурманска. Сформировалось оно в 1994 году из толкиновской тусовки города Апатиты, сама же тусовка возникла годом раньше. Через некоторое время мурманчане получили официальный статус и стали называться "Клуб ролевых игр и приключенческого туризма "Сильмарилл". Официально Клуб занимается исторической реконструкцией - за время его существования было проведено четыре показательных выступления и снят видеоролик, но мурманчане не забывают и о ролевых играх - с 1994 года было проведено три региональных игры в Хибинах, четвертая планируется в начале августа этого года.

Выделяется Мурманск большим количеством печатной продукции, пик издания которой пришелся на зиму 1995-1996 года, когда выходило сразу несколько изданий - еженедельная газета "Вестник Среднеземья", пародия на "Вестник" - газета "Westник Среднеземья", литературно-художественный альманах "Коты и мухи" (приложение к "Вестнику Среднеземья") и альманах "Middle-Earth News", отличавшийся тем, что, будучи сверстан в Windows Paintbrush, выходил в формате А5 и размножался на матричном принтере. Насколько известно автору статьи, сейчас из всего этого разнообразия остались лишь "Вестник Среднеземья", который, как и раньше, посвящен внутренней жизни Клуба и мурманской толкиновской тусовки, и альманах "Коты и мухи"

Мурманчане - народ добрый, друг к другу относятся весьма лояльно - противоречий и разногласий в Клубе практически нет. Возможно, это также связано с тем, что в Клубе нет единого руководителя - всем управляют несколько пользующихся уважением человек.

Толкинисты из Мурманска часто принимают участие в разных толкиновских мероприятиях, проходящих на Северо-Западе России - так, в прошлом году они принимали участие в ролевой игре в Котласе, также их можно было видеть на проводимом Толкиновским обществом Санкт-Петербурга Толкиновском фестивале "Ганнелин - 96".

Мериадок Брендискок

Приношу благодарность Зеленому Эльфу за помощь, оказанную при подготовке этого материала.

𐌿𐌿𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸 𐌺 𐌹𐌺𐌺 𐌹𐌺𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸 𐌹𐌺𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸

вызвал весьма наше неодобрение - не перешедшее, впрочем, в руко- и ногоприкладство.)

И услышал бог наш Блютдюрстих молитвы наши, и снизошло благословение его на головы наши (добавив нам по хиту на голову), и отправилось войско наше в поход.

Дойдя же до города, прежде чем начать битву, обратился вождь наш с молитвой к богу нашему, и дано было ему от Блютдюрстиха откровение, что чума в этом городе, и всякий, кто войдет в него, заболит и умрет всенепременнейше. И возблагодарили мы бога нашего, и отправились восвояси, чумы убоявшись, ибо смерть в бою есть смерть почетная, от болезни же - премерзкая. А эльфы, что были союзниками нашими, не вняли гласу божьему, и что потом с ними случилось - неизвестно.

Вернувшись же в поселение свое, обнаружили братья наши краснолюды, что во время отсутствия их побывал там Злой Рок (он же Холера Ходячая) в образе Мастера Халдира, и премного народу (в том числе и все жрецы бога Шминда) померли. И объявил тут вождь Берегонд, что - поелику спас нас Блютдюрстих от смерти лютой, безвременной - всем краснолюдям в благодарность надлежит принять его как Бога Истинного, а кто же этому воспротивится - ну, сами понимаете...

И воспряли краснолюды духом, и стали взводить храм преогромный и предивный во славу бога нашего, и готовился уже торжественный молебен, как пришли под стены крепости эльфы, и числом их было шесть, и видом они были грозные, и спросили они нас голосом суровым: "Это вы тут эльфов режете?"

И ответили мы что нет, неправда это, ибо не резали мы никого, а только жертву приносили богу нашему, и не эльфов вовсе, а одну-единственную деву эльфийскую.

Но не поверили нам эльфы, и вызвали они на божий суд шесть бойцов наших против шести бойцов эльфийских. И все мужи наши, страхолюдовские, вышли на божий суд, из краснолюдов же вышел один Берегонд. И спросили мы мужей краснолюдских - почто сидите вы у костра, когда битва предстоит? Но глухи и немые были мужи, и только один из них поднялся и на битву вышел.

И был бой, и нам досталась победа.

Но не успокоились эльфы на этом, и пришли снова под стены наши дружиной великою, и начали они стену крушить. И стали мы молить бога нашего Блютдирстриха об избавлении от напасти, но явился тут, пройдя тайными горными тропами, Сэм с арбалетом своим, и оборвал он жизни жрецов наших прежде, чем обряд успели они завершить, и не услышал бог молитвы наши. И сломали эльфы и союзники их, злые исполненные, стены крепости, и хотя и сопротивлялись мы отчаянно, но силы неравными были, и погибли краснолюды и страхолюды, все до единого.

Но незадолго до битвы успели они послать гонца к родичам своим, жившим далеко на севере, А когда пришли родичи на помощь, то увидели они только пепелище, и развалины, и трупы братьев своих, остыть уже успевшие, да храм предивный Блютдирстриха, осквернить кони убийцы не посмели.

И похоронили краснолюды новоприбывшие павших братьев, курган воздвигнув над их телами, и устроили они в храме обряд великий, и два воина лучших бились во славу бога нашего, и окропили кровью своей жертвенный алтарь. И тут раздался с неба гром, и сверкнула молния, и явился взорам нашим сам великий Блютдюрстих (ликом грозен и на Мастера Гакхана похож весьма), и благословил он краснолюдов, и объявил он главного жреца своего богопомазанным императором, а сподвижников его ближайших - палadini, и предрек, что не много пройдет времени, и по всей земле этой будут стоять алтари его, Блютдюрстиха. И сказав все это, удалился бог обратно в свои чертоги небесные.

И вот ждем мы "Ведьмака-2", и кто знает, что еще предстоит нам?

Стина Сериндэ

𐌿𐌿𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸 𐌺 𐌹𐌺𐌺 𐌹𐌺𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸 𐌹𐌺𐌹𐌸𐌹𐌸𐌹𐌸

THE

BOWMAN



ВЫСТРЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИСПОЖЕДЬ

НЕУДОЗЛЕТБОРЕННОГО МАНЬЯКА

("Настенька", 4-6 июля)

- Хорошо-то как, Настенька !
- Так а ж не Настенька...
- То-то и хорошо...

Вообще у меня такое чувство, что если бы не было комаров, игра б заглохла в самом начале. Причем, судя по всему, эти богомерзкие пернатые больше всех доставали кочевников и Счастливую Империю, так как, пожалуй, это были единственные команды, благодаря которым создавалось впечатление, что жизнь (игровая) все-таки не стоит на месте.

Нельзя сказать, чтобы на остальных стоянках все было не как у людей. Очаровательное нововведение Талмуда - секс-купоны - вызвало некоторый ажиотаж со стороны мужской части населения самых различных, но немногочисленных миров. По сути дела, игрушка превратилась в более или менее коллективную их отработку (отыгрывание). Скорее менее, чем более, но, так или иначе, жизнь например в Балтин кипела в основном в/около местного борделя.

(Кстати, о сексе, который, похоже, был основным развлечением на "Настеньке". По непроверенным слухам одна парочка достигла в озвучивании сего несколько необычного на игре процесса таких высот достоверности, что народ сбежался посмотреть со всего полигона. - Прим.ред.)

Конечно, никто не спорит, благодаря этому нововведению значительно упорядочился выход из мертвятника, что является очень большим плюсом. То есть не повторилась ситуация предыдущих игр, когда, например, не более восьми пар немидийцев на "Конане" -95 возродили всю Немидию (около 30 человек), или более трагическое происшествие на РХИ-96, когда трем чудом уцелевшим девам пришлось в срочном порядке родить обратно весь Мордор, предварительно отпозив на дороге и изнасиловав отряд доблестных воинов.

Итак, выход из мертвятника упорядочился. Проблема заключалась лишь в том, что выходить-то из него было некому. Все так увлеклись процессом Возрождения, что, похоже, напрочь забыли, что прежде в мертвятник надо кого-то отправить. В общем, трупов катастрофически не хватало. А ведь игра, если верить Правилам, организовывалась для "маньяков и не очень". Интересно, каких же это маньяков имели в виду?

Конечно, может быть, мне очень не повезло (или наоборот повезло - это как

